

Артур Федосеев

18+

Замолчало море

Артур Федосеев
Замолчало море

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Федосеев А. В.

Замолчало море / А. В. Федосеев — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Сюрреалистичная история о поиске, ожидании и обретении своего счастья.

На голом холме возвышался мертвый титан. То был космодром. Когда-то давно, когда люди ещё мечтали о звездах и могли видеть их, он устремлял свои руки к небу, запускал железных голубей, полных людских надежд, детского любопытства. Человек вырос — титан погиб. Остался один лишь скелет: ржавые кости опорных башен; пустые, мертвые глазницы ангаров; оторванные куски обшивки из металла и пластика, что заменяли ему кожу. Все это уже давно поросло чахлой травой.

Только ветер оживлял происходящее, заставлял почувствовать движение в этом мгновении. Гудели трубы, разобранные ракеты, точно в них обитали призраки прошлого. Все вокруг было заполнено ими; закрой глаза, и увидишь былое — суету, машины, космонавтов; запах ракетного топлива, сварки, сырой химии... Теперь же только редкие птицы ютились на верхушках тощих балок, башен, в дырявых крышах.

Именно таким он застал это место. Степанная осень, холодное, синее небо, на котором загорались звезды-маяки. Он очень устал. Многие километры остались позади, но ещё больше их лежало там, за горами, равнинами и реками. Как же он мечтал о воде! Жажда стачивала всякую силу, высушивала жизнь так, что даже губы — самое чувственное в человеке, — походили на песчаник.

Ноги подкашивались, на пятках жгли мозоли. И все же он шел. Как марионетка, ведомый не столько волей, сколько привычкой, теми нитями рока, что тянулись к нему откуда-то из глубин давно потерянных богов, сказок и мифов. Иступлено переставляя ноги он забылся. Впереди задувал морской ветер — это чувствовалось по острому запаху соли. Сколько надежды скрывала в себе вода, сколько жизни. Только она и могла подарить этому пустырю спасение, окрасить его лазуром, перламутром раковин.

Он обернулся, ещё раз взглянул на космодром. "Вот ведь странное место", — подумал он. Затянул потуже лямки походного ранца; надвинул шапку на глаза, на какой, под резинкой хранились игральные карты и несколько зеленых купюр давно рухнувшего государства. Со всех ног он ринулся вперед, на штурм моря. Оно пряталось где-то за холмом, который будто бы назло не имел конца.

Дырявые башмаки спадали. Он чувствовал все эти редкие, колючие кустарники; раздавленные, они пахли свежей зеленью, чем-то пряным. Песок, проникая сквозь дырявую подошву, неуютно прилипал к мокрым от пота ногам. И вот, вдруг, он оказался на вершине. Впереди, в тусклом вялом солнце, он столкнулся с разочарованием. Лицом к лицу, без права на торг и поправки.

Внизу раскинуло огромное, некогда величественное море. Напоминанием о нем служили размытые штрихи берега. Фантазия, голодная, усталая, стремилась наполнить этот котлован водой, искрами, шумом волн... Реальность же оставалась неумолимой: море давно высохло, а ветер лишь разносил его далекие, затерянные во времени вопли; был вестником, радиосигналом давно утраченного счастья.

Два ярких камня, янтарных капли, горели среди песка — маленькие озерца, заполненные солью. Такие же пустые, как и вода на далеких планетах.

Он растерялся; надежда догорала угольком где-то внутри, отравляя копотью. На глаза навернулись слезы. Воды нет, нигде. Жевать кустарники? Рыть землю руками, в последнем рывке к жизни? Проследить за птицами? Верно! Они ведь откуда-то берут её. Он обернулся на космодром. В полутьме, забытый, великий, напоминал он о чем-то давно утраченном. Таким видится далекое детство. Грусть, разочарование — все это было в падшем колоссе. Наверное, — подумал он, — это место пылало огнями по ночам. Сейчас же ночь его проглатывает, как мелкую рыбешку. Брошенный ребенок, не способный выжить без человека... Вот с места сорвалась одна из птиц. Никогда прежде он не любовался полетом вороны с таким упоением. Черный мазок на небе. Птица устремила к высохшему морю.

Она растворялась в дали, пока не слилась с сумерками. Где-то у самого берега зажегся одинокий огонек.

"Быть может ворона унесла с собой огонь?" — подумал он и сел на голую землю. Песок отдавал теплом ушедшего дня, обволакивал. Внезапно на него навалилась усталость, ноги обратились корнями, и даже пожелай, он не сумел бы оторваться, выкорчевать себя. Я устал. Столько дорог пройдено, столько путей; асфальт, густые леса, болота, заснеженные поля...

Огонь. Какова его природа? Маленькая звезда на земле, полная тепла в этой пустыне, манила сильнее любой, даже самой яркой звезды на небосклоне. Немая, холодная красота... Разве могла она выиграть у такой простой надежды? Новое чувство подкралось волком — но не хищным, а израненным, одиноким, голодным. Он обернулся: никого. Тогда что же так дрожит в груди? Он боялся признаться: скорее всего тот огонек — не удар молнии в сухое дерево, не горение газа — то был человек. Иная сущность, со своими мыслями, мечтами и страхами. Он не знал чего страшился больше, умереть от жажды или найти спасение в руках другого. Убедиться что огонь — лишь иллюзия, или же застать чужие глаза, душу, услышать голос.

Впервые за многие годы он заговорил
— Человек... сколько лет? Как меня зовут?

Он не узнавал своего голоса. Хриплый от жажды; осипший за ненадобностью, кряхтел подобно старому автомобилю, который простоял на свалке много лет. Откуда-то из закров своей памяти, далекого детства, проступила книга. Он читал её так давно... Тогда покорение Марса ещё было фантастикой. Как его звали..?

— Рэй, — произнес он, — Рэй. Меня могли бы так звать.

Рэй знал, что это не его имя, но своего давно не помнил. Разве оно могло не подойти ему? Имя ничего не значило для Рэя. Ни свое, ни чужое. Неохотно, он все же поднялся. Ноги гудели от усталости, в ушах звенело; ранец — все его жизнь, — давил на спину и плечи.

Огонь горел мерно, изливая тепло порциями, точно боясь отдать все разом, подобно пожару. Пускай ещё неосязаемый, пускай недостижимый... Каждый шаг давался с трудом, но не усталость была тому виной, нет — каждый шаг приближал огонь, так, что его свет становился манящим. Беспечное стремление мотылька, в этом крылось столько радости, но в то же время... В то же время в груди расцветал страх; Рэй буквально видел его перед глазами, едва стоило их закрыть — железный бутон, покрытый шипами, колкий и бритвенно острый. Рэй ощущал его новым, личным открытием, хотя большинство людей жило с этим страхом изо дня в день; ему он был чужд, однако его жизнь заполняли другие страхи, не представляющие в жизни большинства людей никакой угрозы. Рэй и не помнил когда испытал их впервые, когда эти гиены впервые засмеялись в его душе, когда начали поедать всю ту падаль, что оставалась внутри. Рэй боялся не найти воду, не добыть еды, сломать ногу где-то посреди Канадских гор, но уже давно не страшился он человека, его общества, как и одиночества рядом с другим.

Этот немой ужас, двуликий — остаться наедине с собой, и не найти общества в другом человеке, — съедали целые города. Он пожирал молодых, стариков, богатых и бедных. Тогда Рэй сбежал, тогда-то он, когда оказался на языке зверя, подменил один страх множеством других, животных, оттого куда более простых, реальных. Он понял в тот день: сражаться с целым миром проще, чем с бесконечностью себя — с бездной.

Сейчас же этот зверь дышал в спину, гнал навстречу маяку одинокую лодку всего его существа. Рэй едва ли не слышал его голос: "... беги, беги к человеку, а не от него...". И он бежал. Пока огонь не угас, пока есть что-то впереди; бежал всю свою жизнь. В этом заключалась его судьба. Единственное из возможных солнц светило впереди — человеческое пламя.

Спускаясь с холма он чуть не упал, запутавшись ногой в кустарнике. Разодрал штанину; коленку обожгло. Темнота сгушалась позади; Рэй не оборачивался. Огонь обретал форму, текстуру. Вскоре стало очевидно — это окно. Рэю оставалась непонятным чувство, что ломало грудь, разрывало внутренности: голод, жажда, усталость, или же страх, надежда, одиночество.

Зверь забрался на голову; его тяжесть давила, склоняя к земле. Спустя много лет, как бы далеко он не убежал, это отродье всегда находило место в его жизни. Верный пес, слуга дьявола, что есть в каждом из людей.

Позади дома раскинулось звездное море, живое, укор мертвому морю на земле; насмешка вечности, их сияния, неприступности. Никогда ночь в городе не сравнится с ночью за его пределами: казалось, мрак имел плоть, был живым, мягким. Он дышал ветром, пел стрекотом сверчков и ночными птицами песни, понятные лишь ему одному. Как неохотно ночь расступалась перед ним. Вскоре появились первые очертания дома. В этой глуши он казался ещё более пустым, потеряннным, и в то же время только здесь, меж двух морей, он мог обрести такую силу.

Мягкий свет едва выхватывал окружение: деревянное, ветхое крыльцо, наверняка сделанное из карагача, который только и мог поселиться в этой скупой местности; крохотная, приземистая табуретка стояла возле пепелища огня; рядом примостилось ведро.

Украдкой, ощущая себя воришкой, Рэй подошел к ведру. В темноте оно казалось пустым. Он поднял его и наклонил к свету: на самом дне зазвенели ракушки, перламутровые раковины и черепаший панцирь. Ночь, хоть и живая, не сумела скрыть этот звон, похожий в тишине на колокол. Вдруг в окне скользнула тень. Человек! Сердце замерло. Рэй будто сделался сухим, легким тростником; он чувствовал, что вот-вот его сдует ветер. По коже гулял холод.

"Что делать?! Что сказать? А вдруг последует выстрел?" — мысли металась в голове, как перепуганные птицы. Рэй знал людей. Он знал на что пойдет человек в такой глуши; сколь часто он сталкивался с недоверием, не понимал его, однако и сам никому не доверял.

Он обронил ведро. Ракушки упали на песок, панцирь покатился и скрылся в темноте. Бежать! Бежать от человека. Рэй чувствовал себя зверем, которого охотники загоняли много дней.

— Нет, — понял он, — бежать больше нет сил.

Он принял свою участь, какой бы она не была. Дверь слегка приоткрылась. Узкая змейка света скользнула по его грязным ботинкам, по обшарпанной, пыльной одежде, по бородатому, точно у медведя, лицу. Черные, совиные глаза сжались, раненные, выжженные.

— Кто здесь?

Женский голос. Как давно он его не слышал. Каким чуждым он казался; пластика на радиоле.

Голос повторил, взволнованнее: — Кто здесь? Отвечайте!

Рэй различал эти ноты, которые бы упустили многие. Изгнание, отторжение самого себя человеку, его обществу, сделало слух чутким к голосам, глаза зоркими и внимательными к лицам, губам, морщинам и рукам. Только сердце оставалось прежним: атрофированное, недоверчивое, враждебное. Обиженный ребенок, запертый в клетку из костей, скрытый вуалью плоти. Сейчас оно капризничало, то ныряло в холод, ужас, пытаясь утопиться, то беспомощно болтыхалось, пытаясь жить.

Рэй собрался с силами. Он страшился раскрыть рот, исторгнуть давно забытые слова.

— Я... — только и смог проговорить он.

— Кто ты? Что тебе нужно? — голос явно принадлежал девушке. Все это походило на приручение зверя, только вот и она, и он были дикими волками, волей случая встреченные друг другом на стыке морей.

— Устал. Хочу пить.

Дверца приоткрылась чуть сильнее.

— Если я дам тебе воды, ты уйдешь?

— Уйду, — сказал Рэй.

Девушка исчезла. Очаг, тепло были так близки, и так недосыгаемы для таких как они.

И вот, солнце вспыхнуло посреди ночи. Она стояла на пороге. Огонь рисовал её единственной краской, но то был самый красивый цвет, который только видел Рэй. Никогда он

не повторится на горах, холодных, продрогших камнях; среди быстрых вод и россыпи алмазных снегов. Нет, этот цвет жил, искрился, пах цветами, имел звук весны, капающей оттепели, ощущение теплой воды далеких океанов. Только на румянце кожи он мог проявить себя, на совершенном из полотен, сотворенных природой. Разве могло что-то сравниться с человеческой кожей, мелкими волосками на ней? С ореолом, будто горящих вспышкой молнии, волос. Рэй знал, хотя уже и с трудом помнил, какие же на ощупь волосы. Принадлежащие другому человеку.

В тонкой фарфоровой руке она держала жестяной стакан.

— Пей сколько захочешь и уходи.

Он боязно приблизился. Неуверенно взял стакан. Она тут же спрятала руку под другой, заперев себя этим жестом. Рэй поднес железку к губам. Влага коснулась сухих губ. Он растаял. Пил жадно, забыв все на свете. Жизнь возвращалась с каждым глотком.

Спустя какой-то миг он протянул ей её же дар.

— Ещё воды!

Рэй не чувствовал ни смелости, ни наглости. Животное не способно испытывать это.

— Подожди...

Взяв стакан она, казалось, исчезла на целую вечность. Бесконечность, заполненная ожиданием. Тюрьма.

Наконец она вышла, хотя не прошло и минуты. На этот раз она поставила керамический кувшин на крыльцо, рядом все тот же стакан.

— Не прихвати кувшин с собой, — сказала девушка недовольно и захлопнула дверь.

Где-то внутри скрипуче застонала щеколда. Свет лился всю ночь. Рэй хотел уйти, даже когда утолил жажду. Несколько раз он различал в тени на земле её силуэт. Он не знал сколько времени просидел так — в подобным местах оно растягивалось, пока не исчезало вовсе. Звезды на небе не имели власти отмерять секунды, только тысячелетия.

Сидя на крыльце, он уснул, глядя не на звезды, на этих стражников пустоты, не в даль, куда направлялся без цели, а на продолговатую тень девушки на земле.

Солнце застало его спящим. Какая-то мелкая букашка ползала по носу, перебираясь к губам. Сквозь сон Рэй смахнул её, и уже не сумел заснуть: через закрытые веки просачивался свет, жар той печи, что пылала где-то вдалеке, безразличная к человеческим проблемам. Как хорошо, подумал он, что солнце так далеко. Будь оно хоть на километр ближе... Бездумное, безвольное сердце, что дарило жизнь миллионам, а другим миллионам — было песчинкой на ночном небе — сейчас оно обжигало, покалывало глаза лучами-спицами. В воздухе пахло потом, пылью. Далекий ветер-странник приносил какие-то редкие запахи цветущих трав, не то чертополоха, не то можжевельника. Даже если и есть эти цветы, они далеко, решил Рэй. Дрем отпускал его из своих объятий, неохотно, как женщина расстается с любимым, провожая его в изгнание.

События прошлого дня теперь виделись сном. Что было в том сне? Дом. Вода. Девушка. Простые, оборванные слова, разрозненные образы, но каждый — как веревка, за которую можно ухватится при падении.

— Эй ты! — прозвучал громкий голос. — Почему ты все ещё здесь?

Солнце исчезло. Рэй открыл слипшиеся от пыли глаза: она расцвела перед ним в этой мертвой пустоши. Тюльпан. Стройная, хрупкая, казалось, лишенная силы сопротивляться гробу миру, но отчего-то такая сильная над ним. Легкое, потрепанное платье развевалось бирюзовым флагом, парусом её невинности, непогрешимости; порой выхватывало силуэт бедер, талии... Ветер с трудом запуская свои пальцы в её волосы — Рэй ощущал, как они обжигают его взгляд, манят, а следом оставляют нестерпимые ожоги на сердце. Густое пламя, вылитое из раскаленной меди. Но в то же время он слышал как они шелестели, мягкие и влажные, точно

осенняя листва, какая ещё не успела опасть. Казалось, в них способна найти убежище мелкая птица, исчезнуть, потеряться...

Рэй и сам чувствовал что теряется в них; в волнах её платья, в обиженных, детских глазах лисицы. Настоящие перламутровые камни, дар моря.

Она ткнула его палкой.

— Ты живой вообще? Как ты говорил тебя зовут?

— Рэй, меня зовут Рэй. Я просто не смог уйти. Не было сил.

Окинула его взглядом. Сколько же красоты и недоверия таилось в нем. Испуганная лиса. Смотрела на его потрепанный не то балахон, не то куртку; на изношенные ботинки, на густую, заросшую голову.

— Ты издалека.

— Я не помню откуда вышел. Это было так дано...

Девушка смотрела с недоверием; точно животное, она принюхивалась к нему, пыталась узнать правду, опасность. Он поднялся с крыльца. Высушенное солнцем и ветром дерево пахло по-особенному. Запах был знакомым, даже родным.

— Просыпайся уже. Пойдем за едой.

Какое-то время они шли молча, по дну высохшего моря. Из-за соли все оно превратилось в одно большое зеркало; стояла невыносимая жара. Лучи не рассеивались, они отражались каждым крохотным кристаллом. Небо с самого утра было чистым, а оттого неумолимым к тучам, тени, дождю.

Рэй не знал сколько они прошли: в его голове дорога уже давно стала нескончаемой чередой шагов. Не знал он также куда они идут.

— Здесь было море, — заговорила она. — Ты и сам это понял.

Он кивнул. В жаре совершенно не хотелось открывать рот. Точно теплый воздух тогда сумел бы проникнуть внутрь — это стало бы невыносимым.

— Оно было бескрайним. Ты даже и представить не можешь. Когда-то это место не вызывало жалости, скорби. Всюду резвилась рыба, по песчаному дну, стоило только зайти в воду, ползали крабы... У самого берега стояли рыбацкие деревни. Где-то там, далеко, на другом конце, даже остался заброшенный отель.

— Сейчас все это кажется невероятным, — ответил Рэй. — Ты давно живешь здесь?

Вдруг он остановился. Она обернулась.

— Я ведь не знаю твоего имени.

Впервые за утро её глаза улыбнулись. Море вокруг ожило — все в них.

— Лирида. Спасибо что спросил.

Она двинулась дальше. Рэй догнал её, едва поспевая за шагом. Лирида будто бы плыла по песку; никакой тяжести в её походке — детская непринужденность, легкость оторванного лепестка, июньского одуванчика. Он не дал бы ей больше шестнадцати в этом платье, хотя что-то внутри подсказывало, что Лирида куда старше.

— Почему я мог не спросить твоего имени? Разве люди могут общаться без имен?

— Могут, — усмехнулась она. — Рэй ведь не твое имя. Почему ты солгал?

— Откуда... Мне пришлось! — он растерялся на мгновение, замешкался. — Уже давно я не называл своего имени. Представляешь, забыл, — с сожалением улыбнулся, будто извиняясь. — Не знаю как так вышло. Наверное имена теряют силу, если их не произносить.

— Или не слышать...

— Или не слышать, да. Как ты не позабыла свое? Лирида... звучит... как бы...

— Как? — она посмотрела на него игриво. — Скажи, что ты слышишь в нем?

Рэй задумался. Лирида... Лирида...

— Я слышу журчание воды. Слышу, как Арго бороздит море, как Гомер, сидя на утесе, пишет свою поэму, — тут Рэй осекся, — прости, все это глупость.

— Нет-нет, это не глупость! Ты выбрал ужасное имя. Оно что-то значит для тебя? Кто этот человек — Рэй? — повторила вновь, так, что имя осталось недосказанным у неё на губах. — Рэй...

Он остановился. Лирида, прошагав ещё с десяток метров, обернулась, а затем прошагала десять назад. Достала из сумки керамический кувшин с водой, протягивая Рэю.

— Спасибо... жара тут просто невыносимая. — Он жадно пил воду, точно с её рук. — Рэй. Я не помню откуда взялось это имя. Когда-то давно, в детстве, я читал его книжки. Мне они очень нравились.

— О чем они были?

— О многом. О детстве, о любви, но больше всего мне запомнились рассказы о Марсе.

Она уронила взгляд в песок. Руки её обвили плечи, будто она могла замерзнуть здесь.

— Будь проклят этот Марс. Люди разрушили все, чтобы улететь на него, а теперь остались мы... Сколько эгоизма, сколько боли в его покорении. Как посмели они променять красоту морей, полей, лесов и синего неба на призрачную мечту о пустом, мертвом, безжизненном?

— А разве мы сейчас... — замолчал ненадолго, — не там же?

Лирида взглянула на небо, будто ища там ужасного красного монстра, который отобрал у Земли все человечество.

— Может и так. Не знаю... Пойдем дальше, нам осталось не больше часа пути.

Они шли. Каждый по своему, каждый — к своим целям, воспоминаниям, страхам. Шли по остаткам былой жизни, что прежде бороздила это бескрайнее море. Как странно было понимать все это. Рэй смотрел на легкую походку, точно полет бабочки; смотрел на волосы, на спину, похожую на выточенное тем же морем прекрасное каменное изваяние. Она — последняя жизнь. Её следы, как и мои, затеряются среди песков; дождь смывает их, ветер разнесет все то, что мы оставили здесь после себя. Даже её дом — последний страж перед неминуемым забвением. Люди на Марсе, в то время как Земля получила не то шанс, не то проклятие освободиться. Тем охотнее Рэй принимал свою беспомощность перед Лиридой. Он просто шел, глядя на те следы, что она совсем недавно начала оставлять в его путешествии. Все оно истоптано, и каждый такой след, движение, взгляд, улыбка, ненависть — все это запомнилось. Запомню ли я тебя, Лирида? Да. Запомню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.